

УДК 911.3

Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: история и современность

М. В. Рагулина (milanara@yandex.ru)

Аннотация: Рассмотрены возможности классического морфологического подхода в изучении культурного ландшафта, особенности его становления и место в современной науке. Показана перспективность его использования в отечественных культурно-географических исследованиях.

Ключевые слова: культурный ландшафт, культурная география, культура, географическая традиция, морфологический подход, ареал, Карл Зауэр.

Введение

В исследовании культурного ландшафта присутствует огромное тематическое разнообразие: он изучается как результат человеческой деятельности, продукт взаимодействия общества и власти, текст, образ, социоэко-система, пространственный рисунок, историческое наследие [1; 3; 7; 10; 13]. Большинство серьезных исследований культурного ландшафта, описывая историю его концептуального становления, обязательно ссылаются на основополагающую роль идей Карла Ортовина Зауэра. Это ключевая фигура человека (*human geography*) в формировании американской, британской и европейской географии. Теоретический потенциал, сконцентрированный в работе «Морфология ландшафта» [12], впервые опубликованной в 1925 г., намного опередил свое время и продолжает притягивать исследователей. К сожалению, на русский язык данная работа не переводилась.

Отечественная культурная география в настоящее время переживает «второе рождение». В этой ситуации для становления дисциплины важно «держать руку на пульсе» новейших течений и творчески переосмыслить классическое наследие. Целью статьи является анализ теоретического потенциала морфологического подхода К. Зауэра.

Статья структурирована на три части: от рассмотрения теоретического контекста развития географии в начале XX в. мы переходим к аналитике морфологической концепции, завершающий блок посвящен значению идей Зауэра для отечественной географии.

Теоретический контекст создания культурно-ландшафтной концепции Зауэра

Германоязычная национальная научная школа

К концу XIX – началу XX в. внимание европейских географов привлек круг идей о характере и способах изучения связей социума и территории. Лидирующие позиции принадлежали немецкой научной школе. Ф. Ратцель предложил термин «культурный ландшафт», трактуя его как пространство власти и государства [11]. Сильное влияние философских и в том числе – хронологических подходов И. Канта, а также специфика геополитической ситуации того времени обусловили исключительную роль концепции ландшафта. Надежды на возрождение нации, поиски общенемецкой идентичности апеллировали к родной земле – не только хранилищу материальных благ, но источнику духа народа. Согласно Г. Гердеру, ландшафт – выражение и отражение отношений между коллективной жизнью народа и географической средой, Родиной. Уникальность локальных сообществ состоит в том, что они «впитывают» специфику ландшафта, запечатлевая ее в географических символах [5]. Поэтому отношения ландшафта и населяющего его сообщества неразрывны, наполнены жизнью и постоянным взаимообменом. По мнению Зигфрида Пассарге, ландшафт – сердцевина изучения естественно-географических и гуманитарных феноменов конкретного ареала. Отсюда следует необходимость типизации и классификации ландшафтов, создание генерализованной схемы, которой нужно придерживаться при сборе полевых материалов [8].

Так, в содержании понятия «ландшафт» сливаются образ региона и реальный ареал. Основы ландшафтной концепции, заложенные немецкой национальной школой, состояли в учете гуманитарной и естественно-научной граней культурного ландшафта, признании их неразрывности, а также выделении роли местного сообщества, которое живет в ландшафте, преобразует его своей деятельностью и отражает в культуре с помощью географических символов.

Французская национальная научная школа

Французская региональная география начала XX в. холистична, она «не разбивает природный ансамбль, чтобы понять соответствия и корреляцию вещей, а дает представление о целостной земной поверхности, региональных сочетаниях этих объектов» [7; 19]. Регион связывает два ключевых понятия – ландшафт (пейзаж) как природную и рукотворную, материальную среду и образ жизни – *genere de vie*, сферу культурных традиций и индивидуального опыта. Видение человека одновременно внутри материальной и культурной среды – основная характеристика школы Видаля де ла Блаша. Проблема своеобразия регионов и ландшафтов решается с помощью комплексного охвата природных и культурных характеристик. Природа представляет «поле» возможностей и ресурсов для социума, из которых он выбирает «строительные блоки» для создания жилой среды в соответствии с образом жизни. Традиции, институты, язык, обычаи, при-

вычки, стереотипы поведения, тип питания – элементы образа жизни воплощаются в ландшафте (пейзаже) и направляют его развитие. Для французской школы характерно бережное внимание к традиционности, унаследованным культурным чертам пейзажа, поиск региональной специфики всего ландшафта, а не отдельных его характеристик.

Предпосылки создания ландшафтной концепции в США

Формирование американских концепций ландшафта связано со спецификой региона. В отличие от европейских ландшафтов, с их бережно хранимым многовековым наследием, плотностью символической среды, преемственностью локальных сообществ, Америка для колонистов была *terra incognita*. Значения и символика, присвоенные своей земле аборигенами, не были восприняты новопоселенцами: так возник миф о «пустом ландшафте» [14]. Колонизация Америки отличалась сегрегацией и конфронтацией с аборигенами, в отличие от освоения Сибири. В последнем случае «стирания» до-русских значений пространства не произошло. «Народный» характер колонизации, слабость власти на огромных пространствах и стратегия сотрудничества с коренными народами для получения дорогостоящей пушнины повлекли процессы взаимной аккультурации. Русские сибиряки разделили сакральность и мифологию аборигенных ландшафтов.

В Америке европейские подходы, ориентированные на исследование природно-культурных регионов с богатой историей, традициями, специфической отношений сообщества и пространства, были бесполезны. Поселенец сталкивался с неизвестным, «пустым» пространством, в котором ценил прежде всего полезность и функции. В этом смысле понятно, почему США стали родиной функционалистского подхода [8].

Помимо функционализма, в американской географии начала XX в. развивался географический детерминизм. Его приверженцы стремились свести развитие культуры, экономики, социума к воздействию природно-географических факторов. Д. Френкель приводит пример: «патриарх» детерминистских исследований Э. Хантингтон картографировал зависимость состояния здоровья, технической оснащенности, уровня общественного развития от климатических зон, выстраивая изотермы [9]. Сравнение выборочных характеристик было довольно эффективным, но примитивность метода не позволяла рассматривать его как серьезный исследовательский инструмент.

И функциональный, и детерминистский подходы в географии вызывали у К. Зауэра протест: оба исключали культуру и человеческий опыт из сферы исследования отношений социума и пространства. Тем не менее, эти направления стали своеобразным теоретическим «вызовом», побудившим К. Зауэра соединить и развить достижения немецкой и французской географических школ в морфологической концепции ландшафта.

Морфология культурного ландшафта: основные положения

Культурный ландшафт как ареальное единство

Сущность морфологического подхода – фокусировка на культурном ландшафте, как ареале. Ареал – предмет и цель исследования географа, по выражению К. Зауэра, «тело» морфологических фактов. Задача географии – выявление «хорологических связей... феноменов, которые делают ареал не просто набором свойств, но являются ассоциированными и взаимозависимыми» [12, с. 300]. Культурный ландшафт – органичное единство, где земля и жизнь исследуются в терминах друг друга. Морфологический подход к культурному ландшафту представляет творческий синтез достижений немецкой и французской географических школ. В центре внимания географии, по Зауэру, должны находиться «слепки» образов жизни – *genere de vie*, оставленные человеком в ландшафте. При этом культура трактуется как целостность человеческого опыта. Культура – основная сила, формирующая рукотворный облик земной поверхности.

Культурный ландшафт и индивидуальное творчество географа

Ценности человека-обитателя – ключ к содержанию ландшафта: территория интересует нас с точки зрения человеческого бытия, отмечает Зауэр, потому что мы являемся частью ареала, живем в нем, ограничены его ресурсами и возможностями, модифицируя его.

Бесконечное разнообразие ландшафтов Земли упорядочивается в систему, при этом «в выборе общих родовых характеристик ландшафта географ направляет только его собственное суждение. Географ постоянно свободен в выборе материалов наблюдения и выводах об их отношениях. Этот, возможно, несовершенный метод, основанный на индукции, имеет дело с последовательностями, хотя их можно и не рассматривать как простые причинные связи» [12, с. 301].

В эпоху преобладания позитивизма отдать задачу синтеза в субъективные руки конкретного географа и провозгласить субъективность основным принципом комплексной аналитики культурного ландшафта – новаторский шаг. Почти полвека отделяло публикацию основного труда Зауэра от расцвета феноменологических и гуманистических методов, которые вернули личностную субъективность в сферу научного дискурса. Со свойственной ему прозорливостью Карл Зауэр понимал, что исследование разнообразия ареальных форм культурных ландшафтов по заранее разработанной стандартной схеме равносильно упрощению и унификации их специфики.

Ученики в полной мере реализовали данный принцип: тематический охват защищенных под руководством К. Зауэра 37 докторских диссертаций необычайно широк, а в методическом плане сочетает целую палитру подходов [6]. Аспиранты Зауэра – культургеографы Вилбур Зелински, Фред Книффен, Филипп Вагнер, Марвин Майксел, Дэн Станиславски, Джон Лейли, Эдвард Прайс, Джон Парсонс (президент Ассоциации американских географов) и многие другие – превратили американскую культурную географию в сильную и авторитетную дисциплину, развивая идеи своего выдающегося учителя.

Культура и ландшафт: взаимодействие «видимого» и «невидимого»

По мнению Зауэра, противостоять детерминистским и функционалистским течениям можно, исследуя культуру – «лучшую форму индетерминизма». По сути, подход Зауэра заключается в «возвращении» культуры в ландшафтные исследования, поэтому неслучайно ученого называют основателем культурной географии [6].

Зауэр сконцентрировал внимание на «видимых» элементах культуры, входящих в ландшафт. Их можно зафиксировать, интерпретировать, «прочитать», соотнести с уровнем развития общества и ландшафта. «Видимые элементы» определяются невидимыми ценностями, верованиями и ритуалами. Язык, системы мировоззрений, обычаи и религия соединяют людей, эти связи оставляют материальные следы, интерпретировать которые – основная задача географа. Таким образом, по предметным следам культуры можно изучить диффузию и культурную эволюцию во времени и в пространстве. В этом случае культурный ландшафт предстает в виде «матрицы идентичности», по ней отливается и воссоздается самосознание локального сообщества, жителей региона и государства.

Культурный ландшафт для Зауэра – преобразованная среда: «Культурный ландшафт есть географический ареал в своем финальном значении (хора). Все его формы являются результатом деятельности человека, характеризующей ландшафт. В этом определении географы заинтересованы в выявлении не энергии, обычаев и верований людей, а в том, как они «записаны» в ландшафте (табл.). Формы населения являются феноменами массы или плотности и текущего перемещения, такого как сезонная миграция. Домостроение включает типы структур зданий и их группировки... Формы производства являются типами использования земли для первейших продуктов, ферм, лесов, шахт и таких негативных ареалов, которые человек игнорировал. Культурный ландшафт приспособливает природный ландшафт с помощью культурных групп. Культура – агент (действующее начало), природный ареал – посредник, культурный ландшафт – результат» [12, с. 309].

Акцент на «записи» пространственных форм позволяет получить четкий критерий дисциплинарного разграничения географии и антропологии, социологии пространства, этнологии и других наук гуманитарного цикла, затрагивающих проблематику человека и ареала. Постмодернистская наука характеризуется размыванием границ между исследовательскими направлениями и дисциплинами, однако в данном случае роль границы – не барьерная, а идентифицирующая проблемное поле.

Таким образом, географические символы, памятники, топонимы, видимые знаки маркируют территорию. Ландшафт становится культурным, если он связан с историческими событиями, обыденной деятельностью, воплощает национальные, исторические или эстетические ценности, иначе говоря, большинство ландшафтов планеты – культурные.

Таблица

Репрезентация культурного ландшафта [12, с. 310]

ФАКТОР		ПОСРЕДНИК	ФОРМЫ	
КУЛЬТУРА	ВРЕМЯ	ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ	Население – плотность – мобильность Домостроение – план – структура Производство Коммуникации	КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Современные трактовки расширяют сферу определения: в настоящее время даже ландшафты дикой природы принято считать культурными, так как решение оставить их в первозданном состоянии и охранять – культурный выбор общества [10]. Разграничение природы и культуры, по Зауэру, состоит в том, что природная составляющая акцентирует важность физико-географических и ресурсных свойств ареала, культурная – характер и результаты поведения человека в ландшафте. При этом роль человеческой деятельности двойственна – она порождает и сукцессию природных ландшафтов, и сукцессию культур.

К. Зауэр придерживался циклических концепций общественного развития. Под влиянием определенной культуры ландшафт зарождается, достигает расцвета и завершает цикл. Чужая культура, входящая в ландшафт, меняет его, либо приспосабливается сама, формируя новый культурный ландшафт, преодолевает и включает прежний. Морфологический подход позволил создать атласы материальных объектов культуры, отследить процессы диффузии и инноваций. Индуктивный сбор фактов за длительный исторический период и их наглядная систематизация реконструировали послынную панораму культурного ландшафта.

Следует отметить, что названные «формы» скорее соответствуют крупным «блокам» культурного ландшафта, среди которых исследователь выбирает собственный перечень конфигуративных признаков, в терминологии К. Зауэра – «категорий форм».

Морфология культурного ландшафта и географические дисциплины

К. Зауэр придавал системное значение морфологическому подходу. Он полагал, что разработанная методологическая процедура хорошо соотносится с теоретической немецкой географией и французской региональной географической традицией. Изучение «форм» ландшафта должно стать, по его мнению, образовательной основой подготовки географа. Роль региональной географии как сравнительной морфологии состоит в наблюдении за сравнительной динамикой ландшафтов. Основной акцент делается на систематизации и сопоставлении культурных ландшафтов. Историческая география сфокусирована на их серийных изменениях. Влияние цивилизованных обществ на традиционные, перемещение культурных форм в

пространстве, цикличность развития – сфера возможных интересов историко-географа. И, наконец, «коммерческая» география (в начале XX в. термин «экономическая география» не был широко употребительным – М. Р.) отражает формы производства и распределения продукции в ареале. Слаженная работа «команды» разнопрофильных специалистов предлагалась как возможный вариант географического синтеза неоднократно [15; 16], однако координация исследований, согласно Зауэру, имеет существенное отличие: сфера приложения усилий – культурный ландшафт, объединяет все ветви дисциплины своей пространственной целостностью.

Эстетика и смысл ландшафта

Эстетика ландшафта – его важнейшее качество, по мнению Зауэра, не может быть познана позитивистскими методами. «Вопрос о значении ареала лежит за пределами научной регламентации. География никогда не игнорировала эстетические качества ландшафта, к которым, как мы знаем, нет никаких других исследовательских подходов, кроме как субъективных. Гумбольтова «физиономия», «душа» Бансе, «ритм» Вольца, «гармония» Градмана – все это по отношению к ландшафту лежит за пределами науки. Чтобы открыть это символическое качество, нужно полное обновление научных исследований, но пока научное и ненаучное развиваются отдельно. Таинственное вызывает отвращение. Но важно, что имеются другие (ученые – М. Р.), кто верит, что непредвзято наблюдая и внимательно фиксируя, мы можем прийти к пониманию ландшафта на более высоком уровне, который не может быть редуцирован к формальным процессам» [12, с. 311]. Зауэр критикует узкий рационалистический подход, рассматривающий окружающую среду и деятельность людей как процессы и результаты: «так же просто, как он звучит, этот тезис приносит постоянные серьезные трудности» [12, с. 311] в познании культуры и ландшафта.

Краткие итоги или почему современная география нуждается в новом прочтении классического наследия

Морфологический подход Зауэра более чем на полвека предвосхитил траекторию развития культурной географии. Синтез объективных и субъективных методов в общественной географии – по сей день актуальная и нерешенная задача.

В морфологическом ландшафтном подходе четко очерчены сферы приложения и ограничения: хорологический акцент, взаимное пересечение исторических слоев, культурных ареалов, содружество географических дисциплин делают его полезным инструментом для географа XXI века.

В отечественной культурной географии по идеологическим причинам произошел разрыв преемственности. Антропогеографическая школа, достигшая оригинальных результатов, была вынуждена прекратить свои исследования на рубеже 1930-х гг., культура в широкой трактовке «ушла» из ландшафта на долгие полвека. Гуманистические трактовки пространства Семенова-Тян-Шанского, где наука объединялась с искусством [4], идеи В. В. Докучаева [2] о взаимной дополнительности духовного и материального были отвергнуты как «нематериалистические». В результате преобла-

дающей трактовкой ландшафта стал природно-территориальный комплекс, а культурный ландшафт стал рассматриваться как «ухаженный», «улучшенный» природно-антропогенный ландшафт. Советская география не избежала «западни рационализма», о которой предупреждал Карл Ортвин Зауэр. Североамериканские географы в течение XX столетия выполнили скрупулезную и трудоемкую работу по морфологической фиксации разнообразия культурно-ландшафтных особенностей, в отечественной науке этот пробел не восполнен. Территория огромной страны практически не осмыслена как ландшафтная целостность. Постперестроечное «восстановление в правах» культурной географии совпало с мощным подъемом постмодернизма в западной географической науке. Молодая отечественная дисциплина, «вставая на ноги», стремится быть в гуще теоретических поисков. Но за плечами – огромная лакуна; образно говоря, российская культурная география сейчас «перепрыгивает» через этап кропотливого познания регионального разнообразия культурных ландшафтов. И если отечественное наследие переосмысливается, то, на наш взгляд, пока недостаточно внимания уделяется классическим зарубежным направлениям, проверенным временем. Конечно, часть положений морфологического подхода архаична – трактовки «жизненного цикла», довольно уязвимая, по сравнению с разработками советской географической школы – концепция природного ландшафта, но полезный багаж намного перевешивает недостатки. К сожалению, рассматриваемая работа К. Зауэра пока не переведена на русский язык. Поэтому данная статья призвана в какой-то мере восполнить дефицит информации о классическом морфологическом подходе к исследованию культурного ландшафта.

Заключительная цитата К. Зауэра звучит как лейтмотив будущих исследований культурного ландшафта. «Многоцветная реальность жизни сопротивляется упрощенческой теории. Наш непосредственно выбранный сектор реальности, ландшафт, подвергается воздействию и значительному изменению. Это контакт человека с его меняющимся домом, который выражается через культурный ландшафт, – наша сфера исследования. Мы заинтересованы в изучении важности места для человека, а также в том, как он трансформирует это место. И мы имеем дело с взаимосвязями групп или культур и местом, выраженными в различных ландшафтах мира. Здесь есть неистощимое количество фактов, а разнообразие отношений обеспечивает такой курс исследований, который не нуждается в том, чтобы заниматься самоограничением, дабы попасть в западню рационализма» [12, с. 315].

Список литературы

1. Веденин Ю. А. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2001. – № 1. – С. 7–14.
2. Докучаев В. В. К учению о зонах природы: горизонтальные и вертикальные почвенные зоны / В. В. Докучаев // Докучаев В. В. Соч. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 6. – С. 375–534.

3. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии / В. Л. Каганский // Обсерватория культуры: журн.-обозрение. – 2009. – № 1. – С. 62–70.
4. Семенов Тян-Шанский В. П. Район и страна / В. П. Семенов Тян-Шанский. – М. ; Л. : ГИЗ. – 1928.
5. Bonnemaïson J. Culture and space. Conceiving a new cultural geography / J. Bonnemaïson. – London: I. B. Tauris, 2005.
6. Carl Sauer on culture and landscape : readings and commentaries / ed. by William M. Denevan and Kent Mathewson. – Louisiana State University Press., 2009.
7. Cosgrove D. Social formation and symbolic landscape / D. Cosgrove. – 2d ed. – Madison : Wisconsin Univ. Press., 1998.
8. Czepczyński M. Cultural landscapes of Post-socialist cities: Representations of Powers and Needs / M. Czepczyński. – Abingdon GBR: Ashgate publishing, 2008.
9. Frenkel S. Geography, empire and environmental determinism / S. Frenkel // Geographical Review. – Vol. 82, N 1. – 1992. – P. 143–153.
10. Muir R. Approaches to Landscape / R. Muir. – London: MacMillan Press. – 1999.
11. Ratzel F. Anthropogeographie / F. Ratzel. – Stuttgart, 1886.
12. Sauer C. O. The morphology of landscape / C. O. Sauer. – University California Publ. : Geography. – 1925. – № 2. – p. 19–53. Reprinted in: Human geography. An essential anthology. – UK. Oxford : Blackwell publishing, 1996. – P. 296–315.
13. Schein R. H. The Place of Landscape: A Conceptual Framework for Interpreting an American Scene / R. H. Schein // Annals of the Association of American Geographers. – 1997. – Vol. 87, N 4. – P. 660–680.
14. Sluyter A. The making of the myth in postcolonial development material- conceptual landscape transformation in sixteen century Veracruz / A. Sluyter // Annals of the Association of American Geographers. – 1999. – Vol. 89, N 3. – P. 377–401.
15. Turner B. L. Specialist – synthesys approach to the revival of geography: the case of cultural ecology / B. L. Turner // Annals of the Association of American Geographers. – 1997. – Vol. 79, N 1. – P. 88–100.
16. Tress B. Defining concepts and the process of knowledge production in integrative research / B. Tress, G. Tress, G. Fry // From landscape research to landscape planning: aspects of integration, education and application. – N. Y. : Springer, 2005. – P. 13–26.

Morphology of landscape by Carl Sauer: past and present of this classic geographical theory

M. V. Ragulina

Abstract. The paper studies morphological approach in investigating cultural landscape, its potential and the place of the classical Saurian “morphology of landscape” in contemporary human geography.

Key words: cultural landscape, cultural geography, culture, geographical tradition, morphological approach, Carl Sauer.

Рагулина Милана Владимировна
доктор географических наук,
ведущий научный сотрудник
Институт географии им. В. Б. Сочавы
СО РАН
664033, Иркутск, Улан-Баторская, 1
тел.: (3952) 42–60–32

Ragulina Milana Vladimirovna
Doctor of Geography, Leading Research
Officer
Institute of Geography SB RAS,
1, Ulanbatorskaya st., Irkutsk, 664033
tel.: (3952) 42–60–32